

Fraissinet E. Первый период христианства в Японии: [Из кн.: *Le Japon. Histoire, descriptions. Rapports avec les Européens. Expédition Américaine.* Paris, 1853] / Пер. В. Л. Тихомировой; примеч. Л. А. Тихомирова // Богословский вестник 1904. Т. 3. № 10. С. 265–290 (2-я пагин.).

ПЕРВЫЙ ПЕРИОДЪ ХРИСТИАНСТВА ВЪ ЯПОНИИ.

(E. Fraissinet: *Le Japon*).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИЦЫ:

Настоящій очеркъ „Перваго періода Христіанства въ Японіи“ составляетъ переводъ „Исторіи Католицизма въ Японіи“ изъ сочиненія Эдуарда Фрессинэ „*Le Japon. Histoire, descriptions. Rapports avec les Européens. Expédition Américaine*“. Парижъ, 1853 г.

Эта „Исторія католицизма въ Японіи“ занимаетъ двѣнадцать главъ (XV—XXVI) второго тома сочиненія Фрессинэ. Въ свое время, то есть въ 1853 году, названіе, данное авторомъ, было совершенно правильно, такъ какъ Японія еще оставалась закрытой для Европейцевъ, и вторичнаго позволенія на проповѣдь Христіанства миссіонеры еще не получили. Теперь очеркъ Фрессинэ должно назвать, какъ это мною сдѣлано, только очеркомъ перваго періода Христіанства въ Японіи.

Авторъ сочиненія—Эдуардъ Фрессинэ, въ свое время принадлежалъ къ знатокамъ Дальняго Востока и былъ редакторомъ „*Moniteur des Indes Orientales et Occidentales*“. Сочиненіе его о Японіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже устарѣло. Но въ отношеніи всего, что касается сношеній Японіи съ Европейцами—въ томъ числѣ и по исторіи распространенія и уничтоженія въ этой странѣ Католицизма—разсказъ Фрессинэ представляется драгоцѣннымъ по своей документальности. Авторъ разсказываетъ исторію сношеній Японіи съ Европейцами по первоисточникамъ, цитируя ихъ

нерѣдко въ буквальный переводѣ, а излагая—не мудрствуетъ лукаво, и даетъ намъ такимъ образомъ чисто документальное знакомство съ ходомъ дѣла Португальскихъ миссіонеровъ. За отсутствіемъ у насъ собственныхъ переводовъ донесеній миссіонеровъ—едва ли возможно дать нашей литературѣ что-либо болѣе документально—цѣнное въ этомъ отношеніи, какъ обстоятельный очеркъ Фрессинэ.

Само собою разумѣется, это не значитъ, чтобы рассказы Португальскихъ миссіонеровъ о своей дѣятельности не подлежали никакой критикѣ, но это должно сказать о всѣхъ историческихъ документахъ.

Рассказъ миссіонеровъ и Фрессинэ мѣстами потребовалъ пояснительныхъ примѣчаній, которыя принадлежатъ Л. А. Тихомирову и отмѣчаются его инициалами.

В. Тихомирова.

ВВЕДЕНІЕ.

Повсюду, гдѣ ни утверждались Португальцы оружіемъ, или договорами, въ странахъ Индіи, этотъ народъ, одновременно рыцарскій и торговый, преслѣдовалъ двойную цѣль: расширеніе своей торговли и проповѣдь Евангелія. То же вышло и въ Японіи, и нигдѣ объ эти цѣли не были достигнуты Португальцами съ такой быстротой и успѣхомъ.

Что касается до издавна цвѣтущаго состоянія ихъ торговыхъ дѣлъ въ этой Имперіи и собранныхъ ими тамъ несмѣтныхъ богатствъ, португальскіе писатели объ этомъ говорили съ благоразумной сдержанностью, безъ сомнѣнія опасаясь, чтобы ихъ сообщенія не побудили другія націи явиться туда же, въ ущербъ ихъ барышамъ. Поэтому намъ пришлось, касаясь этого вопроса, обратиться къ голландскимъ путешественникамъ; такъ какъ эти послѣдніе собрали въ своихъ достовѣрныхъ, хотя иногда слишкомъ растянутыхъ описаніяхъ, всѣ матеріалы необходимые для его разъясненія.

Но въ отношеніи проповѣди вѣры, сыны Португалии, духовные и мірскіе, считали это дѣло слишкомъ блестящимъ и прекраснымъ, чтобы не рассказать о немъ во множествѣ сообщеній, которыя существуютъ и теперь. Мы со своей стороны настолько раздѣляемъ ихъ мнѣніе, что не побоялись долгихъ разысканій въ этихъ старинныхъ памятни-

кахъ великаго погибшаго дѣла. Потомучто, по нашему мнѣнію, дань восхищенія человѣчества должна воздаваться не только удачѣ, но и всякому предпріятію, внушенному благороднымъ, великодушнымъ чувствомъ, если даже Фортуна, эта капризная и неблагодарная богиня, и не увѣнчала усилій торжествомъ.

Въ послѣдующихъ главахъ мы расскажемъ о рожденіи Христіанства въ Японіи, объ удивительныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ проповѣдью Святого Франциска-Ксаверія и его первыхъ преемниковъ, объ этихъ великихъ апостолахъ, подобныхъ апостоламъ первенствующей Церкви. Далѣе мы покажемъ трагическую картину неслыханныхъ гоненій, которыя воздвиглись въ этой странѣ противъ вѣры. Мы передадимъ трогательное повѣствованіе о ревности новообращенныхъ, объ ихъ удивительной твердости въ мученіяхъ, наконецъ о полномъ уничтоженіи христіанской религіи въ Имперіи, которую она, казалось, должна была покорить, и откуда она была изгнана политической реакціей, безпримѣрной въ исторіи и жестокимъ истребленіемъ всѣхъ вѣрующихъ.

Миссія Святаго Франциска-Ксаверія.

Два года спустя послѣ отъѣзда Пинто ¹⁾, Китайскаго пирата Самипочеки, и ихъ спутниковъ, нѣсколько португальскихъ купцовъ прибыли опять въ тѣ же края для торговли. Тамъ они встрѣтили одного японца, богатаго и благороднаго происхожденія, по имени Ханъ-Сиро, которое португальскіе авторы передѣлали въ *Амжеро*.

¹⁾ Фернанъ Мендець Пинто, Португальскій морякъ, съ нѣсколькими товарищами — были первыми Европейцами въ Японіи. Его любопытныя записки о томъ, какъ онъ попалъ въ Японію и жилъ тамъ, переведены цѣлкомъ въ 1-мъ томѣ сочиненія Фрессине.

Эти португальскіе моряки не только открыли невѣдомую страну для миссіонеровъ, но подготовили дружественный приемъ для проповѣдниковъ Христіанства. Фернанъ Мендець Пинто и его товарищи познакомили Японію съ цѣлымъ новымъ для нея міромъ, и имѣли случай оказать ей важныя услуги. Такъ они научили Японцевъ дѣлать огнестрѣльное оружіе. По образцу ихъ аркебузовъ смышленные мастера этой страны быстро выдѣлали нѣсколько сотъ тысячъ ружей.

Послѣ безпорядочной жизни этотъ человѣкъ былъ отягченъ, въ тридцать пять лѣтъ, преждевременной старостью и угрызеніями совѣсти. Бонзы, къ которымъ онъ обращался за уврачеваніемъ больной своей души, еще болѣе чѣмъ тѣла, не могли доставить ему успокоенія, которое ему предназначено было найти лишь въ христіанской вѣрѣ и въ водахъ крещенія.

Находясь въ постоянномъ смущеніи и въ крайнемъ безпокойствѣ, которымъ терзался его умъ, онъ сошелся однажды съ португальцами, высадившимися въ портѣ Кагосима. Терзаемый жестокой душевной болью, онъ имъ рассказалъ о своемъ горѣ и открылъ имъ свое сердце. Эти купцы, болѣе опытные въ торговлѣ, чѣмъ въ дѣлѣ исцѣленія совѣсти, но проникнутые, тѣмъ не менѣе, сознаніемъ благодѣяній христіанской религіи, предложили ему отвезти его въ Индію, чтобы тамъ онъ повидалъ одного святого и ученаго монаха, который обладаетъ, говорили они, особымъ даромъ успокаивать умы и умиротворять души силой крестной заслуги Спасителя.

Они говорили о Францискѣ-Ксаверіи, о которомъ рассказали Ханъ-Сиро столько чудеснаго, что у него явилось страстное желаніе видѣть святого и бесѣдовать съ нимъ.

Но трудности путешествія были велики. Покинуть свою семью, рѣшиться на переѣздъ въ шесть сотъ лѣ по морю, усяянному подводными камнями и угрожаемому постоянными бурями! Этотъ прозекъ былъ оставленъ. Однако спустя нѣсколько времени несчастный японецъ, не владѣя своимъ буйнымъ нравомъ, убилъ въ спорѣ одного изъ своихъ соотечественниковъ и, преслѣдуемый родственниками своей жертвы, не нашелъ болѣе безопаснаго убѣжища, какъ корабли португальцевъ. Онъ тамъ и укрылся, такъ какъ ему нельзя было болѣе оставаться въ своей странѣ, и, такимъ образомъ поневолѣ долженъ былъ выполнить то намѣреніе, отъ котораго было отказался.

Среди португальскихъ купцовъ былъ одинъ, по имени Альварецъ Вазъ, который особенно горячо уговаривалъ японскаго грѣшника предпринять это путешествіе къ достопочтенному отцу Франциску-Ксаверію. Онъ даже предлагалъ отвезти его къ славному апостолу Индіи, обѣщая со стороны его наилучшій приемъ.

Попавъ на корабль, Ханъ-Сиро естественно обратился къ Альварецу съ просьбой отвезти его въ Малакку. Но, разсчитывая ѣхать еще не скоро онъ послалъ неофита къ своему родственнику, Фердинанду Альварецу, уже готовому къ отплытію въ сосѣднемъ портѣ. Японецъ уѣхалъ въ ту же ночь, сопровождаемый двумя слугами. Прибывъ въ портъ, онъ встрѣтилъ тамъ не Фердинанда а Георгія Альвареца, который собирался выѣзжать.

Георгій Альварецъ былъ богатый купецъ, близкій другъ наваррскаго миссіонера.

Онъ принялъ рекомендательныя письма, которыя Ханъ-Сиро привезъ отъ своего покровителя, Альвареца Ваза, какъ бы ему адресованныя, и былъ чрезвычайно обрадованъ случаемъ отвезти этихъ иноземцевъ къ отцу Ксаверію, увѣренный, что не можетъ сдѣлать ему лучшаго подарка. Итакъ онъ съ радостью принялъ на бортъ японца и отплылъ въ Малакку, куда и прибылъ благополучно со своей драгоценной добычей. Монахъ только что уѣхалъ на Молуккскіе острова. Отчаяніе и горестъ его невѣдомаго почитателя при этомъ извѣстїи не имѣли границъ. Исчезнувшія надежды на скорое утѣшеніе новой вѣрой и благочестіемъ Святого, соединялись съ сожалѣніемъ о бесплодномъ далекомъ путешествіи. Къ довершенію несчастья, капитанъ Георгій Альварецъ, продолжая свое путешествіе въ Индію, долженъ былъ оставить его одного въ Малаккѣ, и не могъ дать ему никакихъ указаній о продолжительности отсутствія отца іезуита, и о времени его возвращенія.

— Но удивительное стеченіе обстоятельствъ. Отправившись въ Китай, чтобы оттуда вернуться въ Японію, онъ испыталъ бурю, которая его захватила въ виду острововъ и занесла его черезъ четыре дня, посреди тысячи опасностей, въ тотъ же портъ Небесной Имперіи, откуда онъ отплылъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ Альвареца Ваза, готоваго плыть въ Малакку. Получивъ отъ него хорошаго выговоръ за свое нетерпѣніе и поспѣшный отъѣздъ, Ханъ - Сиро возвращается съ нимъ туда же, увѣренный своимъ покровителемъ, что найдетъ тамъ отца Ксаверія. Такимъ образомъ, послѣ столькихъ напрасныхъ попытокъ, онъ достигъ цѣли своихъ стремленій въ тотъ именно моментъ, когда, имѣя противъ себя бури и всѣ обстоятельства, онъ уже потерялъ всякую надежду.

Прибывъ въ Малакку, онъ встрѣтилъ, сходя на берегъ, Георгія Альвареца, который ему объявилъ, что проповѣдникъ вернулся и что онъ найдетъ его въ городѣ. И вотъ тотчасъ всѣ труды, всѣ прошлыя безпокойства забыты пламеннымъ японцемъ, для котораго будущность рисуется въ блестящихъ краскахъ.

Ханъ-Сиро, уже нѣсколько знакомый съ португальскимъ языкомъ, скоро вошелъ въ продолжительный разговоръ со святымъ апостоломъ, къ которому его привели и которымъ онъ былъ принятъ съ отеческой сердечностью. Онъ ему разсказалъ о причинѣ своего путешествія, открылъ свое сердце, полное довѣрія и дружбы; объявилъ ему свое рѣшеніе никогда его не покидать, настоятельно прося посвятить его въ таинства вѣры и допустить скорѣе ко крещенію. Отецъ Ксаверій отвѣчалъ ему съ добротою, что дѣйствительно отдыхъ и миръ, которыхъ онъ жаждалъ, и конецъ душевному смущенію и безпокойству могъ быть обрѣтенъ только въ вѣдѣніи истиннаго Бога и въ религіи, внѣ которой нѣтъ спасенія; но что однако нужны еще приготовленія, ибо уроки португальскихъ купцовъ, вѣроятно, недостаточны для познанія того закона, который онъ хотѣлъ на себя возложить; наконецъ такъ какъ онъ самъ, Ксаверій, долженъ былъ въ скоромъ времени выѣхать съ миссіонерскою цѣлю на сосѣдніе острова, то для новообращеннаго будетъ самое лучшее отправиться въ Гоа, гдѣ онъ будетъ наставленъ епископомъ Донъ Жуаномъ д'Альбукеркъ, на долю котораго сверхъ того и должны были выпасть начатки христіанства въ Японіи.

— Надо, сказалъ онъ Ханъ-Сиро,—чтобы они были посвящены Богу руками Епископа, въ столицѣ Индіи, въ моментъ вашего крещенія.

Дѣйствительно, великій апостолъ при видѣ этого иностранца немедленно составилъ планъ итти въ Японію, съять тамъ сѣмя вѣры Христовой и основать новую Церковь. Вѣрный общанію послушанія, Ханъ-Сиро согласился разстаться съ нимъ и отплыть съ Георгіемъ Альварецомъ, который принялъ его на свой корабль, отправляясь въ Гоа. Онъ прибылъ туда, рекомендованный отцу Ректору, которому было приказано принять его въ семинарію съ его двумя служителями и какъ можно скорѣе наставить всѣхъ трехъ въ главныххъ правилахъ вѣры.

Все было въ точности исполнено, и въ день прїѣзда отца Ксаверія въ Гоа онъ нашелъ Японца и его двухъ слугъ достойными вступить въ великую христіанскую семью—какъ по своей ревности, такъ и по основательности усвоенныхъ ими познаній.

Они были окрещены съ большою торжественностью въ день Пятидесятницы. Изъ двухъ слугъ японца одинъ былъ названъ Іоанномъ, а другой Антоніемъ, а Ханъ-Сиро пожелалъ принять имя Павла Санта-Фэ, потому что, говорилъ онъ,—онъ получилъ благодать вѣры въ коллегіи Общества Іисуса, называемой въ тоже время коллегіей Святого Павла и Святой вѣры.

Подъ этими двумя именами мы и будемъ знать впредь новообращеннаго. Возрожденный водами крещенія и прощеніемъ грѣховъ, онъ нашелъ миръ сердца, котораго такъ пламенно желалъ, и думалъ только о томъ, чтобы въ покаяніи найти забвеніе угрызеній, которыми терзалась его совѣсть.

Спрошенный однажды отцомъ Ксаверіемъ о вѣроятности водворенія христіанской вѣры въ Япониі, онъ отвѣчалъ, что твердая убѣжденность непремѣнно увлечетъ экзальтированныя умы Японцевъ и что, кромѣ того, пророчества возвѣщали принесеніе иностранцами вѣры болѣе святой и совершенной, чѣмъ та, которой они теперь обладали.

Отецъ Ксаверій, извѣстивши объ этомъ Игнатія Лойолу, жившаго въ Римѣ, и Симона Родригеца, одного изъ его первыхъ сподвижниковъ, рѣшилъ отправиться въ Японию. Все, что было ему сообщено о добрыхъ качествахъ жителей, объ ихъ религіозныхъ наклонностяхъ, объ ихъ способности легко все усваивать, и, главное, объ ихъ честномъ, миролюбивомъ характерѣ, полномъ уваженія ко всему благородному, къ добродѣтели и великимъ дѣяніямъ,—побудило его на это предпріятіе. Онъ приготовился къ нему многими молитвами и долгимъ размышленіемъ. Благочестивое честолюбіе внушило ему эту идею, сильно поддержанную счастливымъ результатомъ, достигнутымъ на пользу вѣры у трехъ новообращенныхъ Японцевъ.

Всѣ друзья святого Іезуита возстали противъ его рѣшенія, смотря на него, какъ на опору спасенія и устойчивости вѣры новыхъ христіанъ, какъ на единую надежду Индіѣйской

Церкви, опровергая въ своихъ рѣчахъ все, что ему было сказано о Японіи и ея жителей и стараясь разрушить всѣ его надежды. Они употребили всѣ средства, чтобы удержать его въ Индіи. Дошли до того, что обвиняли его въ дерзости, доказывая, „что не было никакой видимой возможности, чтобы одинокій, лишенный всякой земной помощи человѣкъ могъ ниспровергнуть царство Сатаны, освободить отъ закоренѣлыхъ заблужденій и заставить перемѣнить религію народъ, въ высшей степени привязанный къ культу ложныхъ боговъ, побудивъ его обожать человѣка, умершаго на крестѣ, то-есть претерпѣвшаго казнь, которой подвергаются въ Японіи величайшіе изъ преступниковъ“.

На всѣ эти представленія миссіонеръ отвѣчалъ аргументомъ столь же простымъ, какъ и великодушнымъ: „Не обвиняютъ въ неосторожности и безразсудствѣ тѣхъ, кто отправляется на конецъ свѣта за дорогими товарами, чтобы перевезти ихъ въ Европу. А проповѣдникъ Евангелія кажется нескромнымъ, когда онъ отправляется въ тѣ же страны за небесными товарами, которые никогда не погибнутъ, которые въ ходу въ другомъ мірѣ и которые доставляютъ вѣчное Царство тѣмъ, кто ими торгуетъ?“

На это нечего было больше отвѣчать; но тогда затронули вопросъ объ страхѣ гоненій и зависти боязъ; объ опасностяхъ путешествія и о его одиночествѣ въ далекой странѣ. Напрасно! Ничто не могло его остановить, и скорѣе воодушевленный, чѣмъ смущенный опасностями, которыя ему предстояло одолѣть за Божіе дѣло, готовый съ радостью на страданія и опасности, онъ писалъ отцу Игнатію Лойолѣ:

„Не могу вамъ выразить—съ какой радостью я предпринимаю это долгое путешествіе, потому что въ немъ все полно крайнихъ опасностей, такъ что если изъ четырехъ судовъ удастся спасти два, то считается, что сдѣланъ счастливый переѣздъ“.—Потомъ отцу Симону Родригецу: „Сюда прибыли корабли изъ Маллаки съ извѣстіями, что всѣ порты Китая вооружены и что Китайцы намѣрены начать открытую войну съ Португальцами. Это мнѣ не помѣшаетъ ѣхать въ Японію, такъ какъ я не вижу ничего болѣе пріятнаго и сладкаго въ этомъ мірѣ, какъ жить въ постоянныхъ опасностяхъ и пренебрегать смертью ради славы Иисуса Христа и интересовъ религіи“.

Вотъ съ какими чувствами онъ отплылъ въ Японію, сдѣлавъ всѣ распоряженія въ Индіи такъ, какъ бы онъ не долженъ былъ уже вернуться. Онъ отправился на маленькомъ кораблѣ, направляющемся въ Кохинчину. Тамъ снѣ долженъ былъ встрѣтить другой, большій, который ждалъ его, чтобы отвести въ Малакку. Его сопровождали отецъ Косма де Торрець, испанскій священникъ, одинъ изъ лучшихъ умовъ своего вѣка, и Жуанъ Фернандецъ, мірянинъ. Отецъ Альфонсъ де Кастръ и отецъ Эммануиль де Моралець отплыли вмѣстѣ съ Францискомъ Ксаверіемъ, чтобы ѣхать въ Малакку, а оттуда на Молуккскіе острова, куда онъ ихъ посылалъ. Не были забыты и Павелъ де Санта-Фэ со своими двумя слугами, такъ какъ святой отецъ Ксаверій не безъ основанія возлагалъ на нихъ нѣкоторыя надежды для успѣха дѣла и преуспѣванія предпріятія.

Всѣ португальскіе корабли въ Малаккѣ, которые отправлялись въ Японію, должны были зимовать въ Китаѣ и нѣсколько разъ отклоняться отъ прямого пути. Отецъ Ксаверій не захотѣлъ замедлять свое путешествіе и, несмотря на горячее желаніе Португальцевъ видѣть его на своемъ борту, онъ безстрашно отплылъ на суднѣ одного китайскаго пирата, который предложилъ отвезти его прямо въ Японію. Несмотря на предосторожности, принятія Дономъ Педро де Сильва, Губернаторомъ Малакки, чтобы залогомъ обезпечить исполненіе обѣщаній корсара, путешествіе было съ большими приключеніями. „Этотъ язычникъ,—говорятъ наши авторы, вспомоствуемый сатаною, дѣлалъ все возможное, чтобы противодѣйствовать планамъ отца Ксаверія и удовлетворять малѣйшія прихоти, какія взбредали ему на умъ. Каждый день онъ заботливо вопрошалъ своего идола, котораго поставилъ на кормѣ, какъ только вышелъ въ открытое море, и приносилъ ему множество поклоненій, куреній и жертвъ, чтобы узнать отъ него, бросая жребій, должно ли продолжать прямо путешествіе, или нѣтъ, и ѣхать ли въ Китаѣ, или въ Японію“!

За сто лѣтъ отъ Малакки, когда оракулъ въ послѣдній разъ сказалъ корсару, „что онъ поѣдетъ въ Японію, но не вернется оттуда“, онъ измѣнилъ путь и рѣшилъ зимовать въ Китаѣ, останавливаясь у всѣхъ сосѣднихъ острововъ, чтобы дожидаться наступленія дурного времени года и воспользо-

ваться этимъ предлогомъ для остановки. Но когда они были близъ Кохинхины, страшная буря отнесла корабль съ дороги, которой хотѣлъ держаться корсаръ. Когда море послѣ этого стихло, суровый капитанъ поднялъ якорь и направилъ путь въ Кантонъ, рѣшивъ провести тамъ зиму. Безполезны были просьбы отца Ксаверія и его спутниковъ. Но болѣе дѣйствительнымъ оказался—противный вѣтеръ, который противъ воли направилъ корабль прямо въ Японію.

Они выѣхали 24 іюня 1549 года и прибыли 15 августа, въ день Успенія ²⁾. По новому необыкновенному стеченію обстоятельствъ, несмотря на всѣ усилія избѣжать этого корсаря могъ пристать только въ портъ Кагосима, мѣстѣ рожденія Павла Санта-Фѣ, семья котораго приняла ихъ съ величайшей радостью и живѣйшей заботливостью.

— Король ³⁾ и королева области Сацумы и большое число

---

²⁾ Въ нашей литературѣ почему-то нашли пріютъ сомнѣнія въ томъ, былъ-ли Францискъ Ксаверій въ Японіи. Какъ видятъ читатели, сомнѣнія эти совершенно неосновательны. Португальскіе миссіонеры даютъ подробное описаніе каждаго шага этого Апостола Японіи. Должно также замѣтить, что Римская Церковь совершенно положительно и официально опредѣляетъ самое время прибытія Франциска Ксаверія (причисленнаго ею къ лику святыхъ) въ Японію—именно въ городъ Кагосиму—15 августа 1549 года. (См. „*Missiones Catholicae*“, издаваемые Конгрегаціей пропаганды вѣры).

Л. Т.

³⁾ Фресинэ поясняетъ, что это не были въ дѣйствительности „короли“, какъ ихъ упорно называли все время Португальскіе миссіонеры, но только феодальные князья. Они были вассалами Микадо, потомъ вассалами Сьѣгуновъ, и не были ни по титулу, ни по правамъ, королями.

Должно однако сказать, что именно въ эпоху, предшествовавшую появленію христіанства, и въ началѣ христіанской эпохи, Японская владѣтельная аристократія была фактически независима отъ Микадо больше, чѣмъ напримѣръ Германскіе короли отъ Императора Германіи.

Для уясненія судебъ первой Христіанской Церкви въ Японіи необходимо вспомнить политическую эволюцію этой страны. По основному строю и по народной идеѣ Японіи, Верховная Власть принадлежитъ Императору—Микадо, который имѣетъ даже нѣчто вродѣ „духовной“ власти. Онъ—потомокъ богини Ама-Тэрасу, давний богами специально для управленія Японіей, созданной тѣми же богами. Такова идея. Но уже съ VI и VIII вѣковъ развилась могущественная аристократія, надъ которой Микадо все болѣе утрачивали власть. Эта аристократія, въ большинствѣ родовъ, тоже производила себя отъ Императоровъ по прямой линіи, а по родству съ ними была не чужда „божественности“ даже и во всемъ составѣ. Въ настоящее время, съ демократизаціей Японіи, явилась даже

придворныхъ, услышавъ о возвращеніи своего соотечественника въ сопровожденіи иностранныхъ монаховъ, пожелаши

идея, что, въ сущности, за 2000 лѣтъ, весь Японскій народъ переродился съ Микадо, такъ что теперь весь Японскій народъ имѣетъ божественный характеръ...

Это, конечно, уже одна фикція родства народа съ Императоромъ. Но въ отношеніи аристократіи родство съ Микадо—несомнѣнно. Самое слово „Казоку“ означаетъ по-Японски „семья“, то-есть какъ бы размножившійся домъ Микадо.

Непосредственные члены Царской фамиліи „Кугэ“—постепенно выходили въ аристократію „Казоку“. Эти Аристократическіе роды получали области въ управленіе, которое уже въ древности давалось наслѣдственно на 8 поколѣній. Въ дѣйствительности — области нерѣдко оставались въ одномъ роду гораздо дольше.

Владѣтельные аристократы имѣли права весьма широкія: они имѣли войско, воевали между собою, они выпускали свои деньги, имѣли власть законодательную, и даже во времена ихъ обузданія — государственный законъ признавалъ въ различныхъ областяхъ дѣйствіе права тѣхъ фамилій, въ управленіи которыхъ эти области находились.

Крупные владѣльцы, правившіе областями, раздавали свои земли „самураямъ“, дружинникамъ, которые въ свою очередь могли имѣть своихъ подручныхъ. Аристократія, владѣвшая такимъ образомъ большей частью Японіи и ея доходовъ — обязана была поставлять средства и войска свои Императорамъ, но, конечно, вовсе не дѣлала этого исправно. Могущество ея—и происходящее отъ этого раздробленія страны—отмѣтили эпоху отъ VIII до XVI вѣка. Могущество аристократіи усилилось съ тѣхъ поръ, какъ крестьянство перестало призываться на военную службу обязательно (призывы крестьянъ сохранились лишь для экстренныхъ случаевъ) и войско начало составляться изъ добровольно-посвящающихъ себя военной службѣ. Это дало могущественный толчокъ развитію *военнаго сословія*, самураевъ, послѣ чего аристократія мало-по-малу и взяла верхъ надъ Императоромъ.

Народъ, впрочемъ, оставался при этомъ всегда лично свободнымъ. Вліятельнѣйшіе изъ крестьянъ сохраняли даже участіе въ мѣстномъ управленіи. Равно, народъ не былъ вполнѣ лишенъ права военной службы. Впослѣдствіи, это символически выразилось въ томъ, что крестьяне имѣли право носить одну саблю, а самураи носили двѣ сабли.

Масса народа стояла всегда за Императора. Самураи вообще — за аристократію. Стремленія аристократіи къ независимости, достигли прочнаго успѣха въ 1180 году, когда знаменитый Ёри-Томо (изъ рода Минамото) провозгласилъ себя *Сьёгуномъ* и образовалъ Временное Правительство (Баку-Фу). Сьёгунать—представлялъ въ древности высшее начальство надъ войскомъ. Теперь онъ явился сосредоточіемъ всей власти исполнительной, правительственной. Верховная еще оставалась номинально у Микадо, который яко бы назначалъ Сьёгуновъ. Впрочемъ они назначались *наслѣдственно*, такъ что въ Японіи было нѣсколько Сьёгунскихъ *династій*.

его видѣть, любопытствуя узнать новости объ Индіи и познакомиться съ ученіемъ новоприбывшихъ. Они немедленно призывали къ себѣ Павла Санта-Фе. Этотъ долго и съ энтузіазмомъ говорилъ имъ о новой религіи и о добродѣтеляхъ святаго миссіонера. Король, позвавъ его, слушалъ очень долго, заставивъ переводить его слова и безъ затрудненій дозволивъ ему проповѣдывать во всѣхъ своихъ подвластныхъ земляхъ. Отецъ Ксаверій немного спустя полу-

---

Первые столѣтія Съёгуната, который доступенъ былъ только высшимъ родамъ аристократіи—царской крови Мина мото—были временемъ особаго развитія независимости могущественныхъ аристократическихъ родовъ. Но ихъ произволь и междуусобія привели Японію въ самое печальное состояніе, почему въ странѣ явилась идея прочной постановки Съёгуната съ подчиненіемъ ему феодальныхъ родовъ.

Осуществителями этой идеи на почвѣ захвата диктатуры, явились одинъ за другимъ три знаменитыхъ дѣятели Японіи: Нобунага, Хидэ Еси и Еясу. Ихъ историческое дѣло состояло въ томъ, чтобы во первыхъ окончательно отстранить Микадо отъ управленія, во вторыхъ—обуздать аристократическіе роды и подчинить ихъ единой государственной власти Съёгуна. По формулѣ Еясу, дѣло Микадо было—предстательство за Японію передъ богами, а дѣло Съёгуна—управленіе государствомъ. Аристократическіе же роды были превращены въ чиновную силу. Эта эволюція, въ результатъ которой въ Японіи явилось, какъ бы два Императора: свѣтскій и духовный, сидѣвшій въ почетной тюрьмѣ дворца въ Кіото—сопровождалась долгой кровавой междуусобицей.

Христіанство и явилось въ Японію какъ разъ наканунѣ этой эволюціи, ходъ которой существенно отразился на судьбахъ первой Католической Церкви. Самостоятельность аристократическихъ феодаловъ, которую еще застали миссіонеры, была очень благоприятна для ихъ проповѣди, ибо въ числѣ этихъ правителей всегда находились отдѣльные люди, способные заинтересоваться Христіанскимъ ученіемъ, и помочь его распространенію въ своихъ владѣніяхъ.

Мѣры же преслѣдованія—не могли стать общими, и христіанство, гонимое въ одномъ мѣстѣ, могло находить убѣжище въ другомъ.

Первый укротитель аристократіи, Нобунага, боролся съ партіей бонзъ и потому покровительствовалъ христіанамъ. Продолжатели его дѣла, напротивъ, явились уже гонителями христіанства, также по политическимъ соображеніямъ. Вслѣдствіе этого христіане естественно принуждены были искать убѣжища у мелкихъ владѣтелей, централизаторы же Японіи, борясь противъ этихъ „королей“, тѣмъ яростіе обрушивались на Христіанъ. Такова въ общихъ чертахъ была политическая почва, на которой жило въ Японіи христіанство за неполное столѣтіе своего тамъ существованія (1549—1639).

чить такое позволеніе жалованной грамотой. Она разрѣшала также и подданнымъ принимать новую вѣру.

Родные Павла Санта-Фе, легко убѣжденные его примѣромъ, приняли скоро христіанство. Его мать, жена, дочь, какъ и другія лица, и многіе изъ его друзей были окрещены. Въ скоромъ времени отецъ Ксаверій пополнилъ свои знанія въ японскомъ языкѣ, проповѣдь была организована, и онъ смѣло началъ проповѣдывать публично такъ же, какъ и его спутники.

Крещеніе множества прозелитовъ, построеніе часовни, куда народъ толпами сходилъ частью изъ усердія, частью изъ любопытства, разнесшаяся по всей странѣ вѣсть о множествѣ чудесъ, совершенныхъ отцомъ Ксаверіемъ,—все это глубоко опечалило бонзъ, въ отношеніи которыхъ всѣ попытки проповѣди отца Ксаверія оказались безуспѣшны.

Покинутыя пагоды, переходъ всеобщаго уваженія и почитанія на священниковъ новаго культа, уменьшающіяся съ каждымъ днемъ молитвы и приношенія — опасность оказывалась крайней! Бонзы не нашли иного средства какъ обвиненіе Ксаверія въ обманѣ, лицемѣрїи и колдовствѣ. Они угрожали гнѣвомъ боговъ и самыми ужасными послѣдствіями ихъ грѣха всѣмъ тѣмъ, кто присутствовалъ на проповѣдяхъ миссіонеровъ.

Такъ же они дѣйствовали и у короля Сацумы, но взявшись за это нѣсколько иначе. Въ концѣ концовъ расположеніе этого князя по отношенію къ отцамъ совершенно измѣнилось. Когда нѣсколько Португальцевъ высадилось въ Хирато, онъ подумалъ, что отцы могли бы направить ихъ вмѣсто этого въ порты его королевства. Онъ за это на нихъ сердился и уже не говорилъ о нихъ иначе, какъ съ презрѣніемъ.

„Какъ!—заявили ему бонзы.—Вы оставите вѣру предковъ ради ученія трехъ несчастныхъ иностранцевъ, которые пріѣхали искать себѣ хлѣба въ Японіи? Вы изгоните изъ своего государства боговъ—покровителей имперіи, чтобы ввести туда неизвѣстнаго Бога, буйнаго и мятежнаго, ведущаго войну со всѣми другими богами и не терпящаго совмѣстниковъ? Раздѣленіе въ государствѣ, кровавая война между вашими подданными, потеря короны, ревность королей—вашихъ сосѣдей, къ которымъ присоединятся всѣ жрецы и бонзы

Японіи, чтобы отомстить обиду, которую вы хотите нанести нашимъ *ками* и *хотокаэ* 4), и слава пагодъ,—вотъ какихъ результатовъ вы должны ждать, если въ скоромъ времени не покараете жестоко этихъ иноземцевъ, враговъ религіи и государства“.

Король, опытный политикъ, увѣрилъ ихъ, что никогда онъ не желалъ чего-нибудь иного, какъ только привлечь Португальцевъ въ свои порты изъ за ихъ торговли. Онъ поблагодарилъ бонзъ за предупрежденія и объявилъ имъ, что такъ какъ эти монахи не сдержали своего слова, то онъ отомститъ имъ, изгнавъ ихъ изъ своихъ земель; что помимо этого скоро узнается, что онъ имѣетъ къ религіи своихъ предковъ усердіе не меньшее, чѣмъ самый вѣрный бонза во всемъ государствѣ.

Позволеніе проповѣдывать было немедленно отмѣнено и король подъ страхомъ смерти запретилъ своимъ подданнымъ принимать христіанскую вѣру.

Христіанскіе апостолы увидѣли себя тотчасъ же покинутыми. Такимъ образомъ, бурная миссія въ Японіи сопровождалась съ самаго начала то успѣхомъ, то неудачей. Она должна была показать міру самыхъ героическихъ защитниковъ христіанской вѣры.

Отецъ Ксаверій, которому не удалось поколебать рѣшенія короля Сацумы, рѣшилъ покинуть его королевство, поручивъ Павлу Санта - Фэ заботу о нарождающейся Церкви, снова доведенной всего до сотни вѣрныхъ. Немного времени спустя онъ прибылъ въ Хирато, гдѣ Португальцы встрѣтили его съ блескомъ, подобающимъ какому-нибудь принцу. На его пути находилась крѣпость Эсандоно. Словомъ Христовымъ онъ внесъ туда вѣру. Жена начальника крѣпости и его старшій сынъ приняли крещеніе, также какъ семнадцать человекъ изъ ихъ приближенныхъ. Тамъ поставленъ былъ пастырь, почтенный старецъ, на котораго всѣ солдаты смотрѣли какъ на отца. Крещенный самъ, онъ былъ выбранъ чтобы пасти это малое стадо.

4) Фресинэ пишетъ „фотоке“. Это ошибка. Японцы говорили, конечно, о „Хотокаэ“, что означаетъ „будды“, то есть божества, составляющія проявленіе Будды (я ихъ, конечно, идола). Что касается „Ками“—такъ называются духи и божества Синтоистическія.

Европейскіе бонзы, какъ ихъ называли Японцы, имѣли въ Хирато такой же успѣхъ, какъ и по прибытіи своемъ въ королевство Сацуму. Громадное число новообращенныхъ было научено въ немного дней. Это счастливое начало вдохнуло новое мужество ревностному проповѣднику, который тогда же рѣшилъ отправиться въ Міако, религіозную столицу Японіи. Оставивъ въ Хирато отца Косму Торреца, онъ избралъ себѣ спутниками брата Жуана Фернандеца и двухъ японскихъ христіанъ. Это было въ октябрѣ 1550 г.

По дорогѣ онъ проповѣдывалъ на улицахъ Амангуци, умоляя и уча жителей добру. Но ни князь этого города, одного изъ наиболѣе процвѣтающихъ въ Японіи, ни одинъ изъ его обитателей не отнеслись благосклонно къ евангельскому слову. Святой былъ освистанъ большинствомъ слушателей. Можетъ быть, изъ-за своей бѣдности, можетъ быть отъ того, что роскошь этого пышнаго города сдѣлала черствыми сердца его обитателей, старый апостолъ не могъ здѣсь заставить себя слушать. Въ отчаяніи отъ ихъ равнодушія онъ восклицалъ: *Deos, Deos, Deos!* И японцы, привыкшіе къ своимъ пышнымъ бонзамъ, устремлялись преслѣдовать оборваннаго священника, бросая въ него камнями и въ насмѣшку повторяя:—*Deos, Deos, Deos!*

Голодь, холодъ, преслѣдованія, усталость и болѣзнь—ничто не помѣшало ему дойти до Міако и достигнуть цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Это было въ 1551 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, когда онъ вошелъ въ этотъ городъ, чтобы водрузить въ немъ знамя Креста.

Война между двумя императорами Японіи, Съёгуномъ и Микадо, волновала всѣ умы ⁵⁾. Благодаря ей проповѣдь

⁵⁾ Францискъ Ксаверій не совсѣмъ точно представлялъ себѣ характеръ междуусобія, помѣшавшаго его проповѣди.

Въ это время Микадо былъ Императоръ Го Нара, уже имѣвшій мало фактической власти. Съёгуномъ состоялъ Ёси-Тэру, уже на династическихъ началахъ, но безъ большихъ фактическихъ средствъ къ обузданію честолюбивыхъ попытокъ другихъ дворянскихъ родовъ. Какъ Микадо такъ и Съёгунъ были безсильны. Крупнѣйшую же роль въ столицѣ игралъ нѣкто Цё Кэй, начальникъ войскъ одного феодала, талантливый генералъ, который съ помощью своего таланта и чужого войска сталъ истиннымъ владыкой Кіото, у Фрессина называемомъ старымъ именемъ Міако. Вотъ этотъ Цёкэй и вступилъ въ войну съ Съёгуномъ Ёси-Тэру, причемъ на сторону того и другого стали различныя ари-

была сначала бесполезна, а вскорѣ стала невозможна. Такъ какъ святой Францискъ-Ксаверій упорствовалъ въ просьбѣ имѣть аудіенцію у этихъ Государей и былъ отвергнутъ всѣми по причинѣ его жалкой внѣшности, то ему предлагали доставить эту милость за сто тысячъ „саихо“⁶⁾. Это приблизительно тысяча восемьсотъ франковъ на нашъ счетъ. Средство было вѣрное, чтобы отдѣлаться отъ его докучливости. Черезъ двѣ недѣли, убѣдившись, что все его усилія будутъ безплодны, онъ рѣшилъ вернуться въ Хирато.

Оттуда онъ снова отправился въ Амангуци.

Простая реформа костюма, который былъ измѣненъ имъ послѣ многихъ просьбъ и указаній на духъ этого народа, перемѣна грязнаго, стараго, изношеннаго и изорваннаго платья на новое, которое ему предложили европейскіе купцы а друзья заставили принять; небольшіе часы съ боемъ, музыкальный инструментъ и нѣсколько другихъ произведеній Европы, еще не виданныхъ въ Японіи, предложенныхъ королю Амангуци; письма вице-короля Индіи и епископа Гоа, рекомендовавшихъ королю отца Ксаверія, какъ человѣка значительнаго у Португальцевъ, съ просьбой принять его благосклонно,—все это въ соединеніи съ отказомъ со стороны апостола отъ значительной суммы золотомъ и серебромъ, присланной княземъ въ благодарность за подарки—совершенно измѣнило положеніе христіанской религіи въ Японіи.

„Какъ!—восклицалъ король Амангуци. *Наши бонзы имѣютъ ненасытное желаніе собирать золото и серебро, а этотъ евро-*

стократическіе роды и ихъ дружины. Борьба была кровавая и окончилась скоро.

Понятно, что жителямъ Кіото и всей центральной Японіи было не до проповѣди Франциска Ксаверія среди заливавшей столицу и страну крови.

Впрочемъ — это было уже наканунѣ водворенія порядка. Скоро по смерти Сьёгуна Ёси-тару (убитаго въ 1565 г.)—знаменитый Нобунага сдѣлался сначала фактическимъ правителемъ, а въ 1573 г., низвергнувши Сьёгуна Ёси-аки, самъ захватилъ эту должность. Нобунага, какъ сказано, изъ политическихъ видовъ—покровительствовалъ миссіонерамъ.

Л. Т.

⁶⁾ Вѣроятно рѣчь идетъ о самой мелкой монетѣ „монъ“, которую иностранцы называютъ „кэшъ“—*cash*.

Л. Т.

нейскій бонза не хочет ихъ вовсе?“ Онъ велѣлъ спросить отца Ксаверія, что въ его королевствѣ могло бы ему быть пріятнымъ.— „Проповѣдывать въ немъ законъ истиннаго Бога“, отвѣчалъ миссіонеръ, увѣряя его, что это было единственной цѣлью его путешествія и величайшей милостью, какую онъ могъ получить отъ Его Величества.

Тотчасъ былъ собранъ Королевскій Совѣтъ.

Эдиктъ, вывѣшенный по его приказанію на всѣхъ перекресткахъ города, разрѣшалъ отцу Ксаверію и его спутникамъ проповѣдывать ихъ законъ во всѣхъ подвластныхъ королю земляхъ, а подданнымъ — принимать его; запрещая, подъ страхомъ строжайшихъ взысканій, оказывать христіанскимъ монахамъ какое-либо оскорбленіе, дурное обращеніе, или препятствіе въ ихъ проповѣди; назначая для ихъ пребыванія старый монастырь бонзъ и, кромѣ того, отводя великолѣпное мѣсто для построенія церкви. Эти щедрыя милости вызвали по отношенію къ апостоламъ, со стороны жителей Амангуци, почтеніе и самую предупредительную заботливость. У однихъ это была лесть, у другихъ—любопытство, а со стороны бонзъ—беспокойная подозрительность. Начались непрерывныя посѣщенія и пренія.

Вотъ что писалъ отецъ Ксаверій святому Игнатію Лойолѣ, говоря о качествахъ, миссіонеровъ, предназначающихся для Японіи: „Нужно, чтобы это были люди безупречной жизни, такъ какъ японцы судятъ о содержаніи по внѣшности и о добромъ ученіи по добрымъ нравамъ. Отъ нихъ требуются также большія способности и широкое образованіе. Въ этой націи есть люди ученые, которые никогда не сдаются, не будучи убѣждены очевидными доводами. Миссіонеры должны быть готовы, затѣмъ, претерпѣть съ непоколебимымъ мужествомъ всякую нужду, приготовиться жить въ постоянныхъ опасностяхъ и даже, если придется, умереть въ страшныхъ мученіяхъ; нужно, чтобы они имѣли глубокія познанія въ астрономіи и математикѣ; чтобы они, тѣмъ не менѣе, не ждали легкаго успѣха, но всевозможныхъ препятствій и затрудненій.

„Ихъ будутъ утомлять ежечасно днемъ, а отчасти и ночью, надоедливыми визитами и докучными вопросамъ. Они увидятъ себя зазываемыми безпрестанно въ дома важныхъ лицъ; иногда они не будутъ имѣть времени для мо-

литвъ и духовнаго размышленія; не смогутъ, можетъ быть, служить ни мессы ни другихъ службъ, ни, тѣмъ менѣе, найти сколько-нибудь времени для отдыха. Трудно повѣрить, насколько Японцы докучливы и неудобны для иностранцевъ, которыхъ они нисколько не уважаютъ. Судите же, что должны претерпѣть наши апостолы, когда имъ прійдется выступить противъ вѣры такихъ людей и во всеуслышаніе порицать ихъ пороки и заблужденія“.

Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ, чтобы они были, подобно ему, одарены глубокими познаніями, безграничнымъ убѣжденіемъ, непобѣдимымъ мужествомъ и краснорѣчіемъ, творящимъ чудеса. Его очень цѣнили въ Амангуци. Послѣ его отъѣзда, когда онъ поручилъ проповѣдь отцу Космѣ Торрецу, глубокому, но менѣе блестящему, японцы говорили: „У этого нѣтъ широкихъ познаній отца Франциска, ни искусства разрѣшать многія сомнѣнія однимъ отвѣтомъ“.

Менѣе чѣмъ годъ длилось его пребываніе въ этомъ городѣ, и болѣе трехъ тысячъ человѣкъ приняли крещеніе. Во времени его отъѣзда, король, вѣроятно подъ вліяніемъ бонзъ, измѣнилъ свои чувства. Несмотря на это, онъ не хотѣлъ отмѣнить эдикта, чтобы не показаться опрометчивымъ; но онъ очень плохо обращался съ прозелитами святого апостола и даже лишалъ ихъ имуществъ.

Въ сентябрѣ 1551 года отецъ Ксаверій выѣхалъ изъ Амангуци, направляясь въ Бунго, въ сопровожденіи нѣсколькихъ новыхъ христіанъ, въ томъ числѣ двухъ знатныхъ феодаловъ ⁷⁾, которыхъ доходы были уже конфискованы изъ-за религіи. Ѣхать можно было моремъ, но изъ духа самоизможденія и желанія лишеній отецъ Ксаверій выбралъ сухопутную дорогу,—и въ какомъ нарядѣ шествовалъ святой человѣкъ!

Онъ несъ на спинѣ мѣшокъ, заключающій въ себѣ: 1) маленькій каменный алтарь для служенія мессы; 2) чашу; 3) всѣ необходимыя облаченія. Что же касается до своего служебника, онъ его не оставлялъ никогда, не довѣрялъ

⁷⁾ Фрессина употребляетъ неопредѣленное слово *seigneurs*; по смыслу видно, что они были изъ знатной, но второстепенной владѣтельной аристократіи.

никому и шель съ этимъ драгоцѣннымъ грузомъ и въ зимнюю стужу и въ страшные лѣтнія жары. Никогда онъ не останавливался иначе, какъ при физической невозможности къ движенію.

Отъ Эдуарда Гамы, капитана португальскаго корабля, недавно приставшаго въ портъ Хигень, въ одномъ лѣѣ отъ Фунэ, столицы королевства Бунго⁸⁾, и въ пятидесяти лѣѣ отъ Амангуци, отецъ Ксаверій получилъ письма отъ короля Бунго, въ которыхъ этотъ князь просилъ его ѣхать черезъ Фунэ, горячо желая съ нимъ бесѣдовать. Онъ также получилъ объ отцѣ Ксаверіи письмо отъ губернатора Индіи, который, со своей стороны настоятельно рекомендовалъ его присутствіе въ этихъ странахъ.

По прибытіи отца Ксаверія въ Хигень, Эдуардъ Гама и всѣ наиболѣе значительные изъ купцовъ, находившихся тамъ, вышли къ нему навстрѣчу болѣе чѣмъ за четверть лѣѣ за городъ. Итакъ, они не мало были удивлены, увидѣвъ легата папскаго престола, идущаго пѣшкомъ, лишеннаго всѣхъ внѣшнихъ попеченій, изнуреннаго усталостью и болѣзью, который самъ несъ, на своихъ плечахъ, свою дорожную, но тяжелую и объемистую ношу.

Никакія просьбы не могли убѣдить его сѣсть на одну изъ ихъ лошадей, и крѣпкіе, убитанные купцы принуждены были съ прискорбіемъ итти въ портъ пѣшкомъ, какъ смиренный и великій миссіонеръ, ведя за собой лошадей.

Послѣ блестящаго приема со стороны Португальцевъ, отецъ Ксаверій былъ встрѣченъ четырьмя залпами артиллеріи съ корабля Эдуарда Гамы, богато расцвѣченнаго флагами. Громъ выстрѣловъ ужаснулъ Японцевъ, достигши даже до Фунэ, резиденціи короля, отъ котораго явились посыльные—узнать, что случилось. Данныя объясненія только увеличили его желаніе видѣть отца Ксаверія, который на другой день съ ранняго утра отправился къ Его Величеству.

И на этотъ разъ интересы религіи, спасеніе душъ и слава Божія взяли верхъ надъ святымъ самоотреченіемъ отца Ксаверія. Напрасно доказывалъ онъ Португальцамъ, что „посланнику

⁸⁾ Область Бунго (островъ Кіу Сіу, у береговъ пролива Бунго) владѣлъ родъ Оо-Томо.

Евангелія, представляющему лицо Іисуса Христа, подобаеъ принять его цвѣта и надѣть его ливрею, которыми являются уничтоженіе и нищета“. Пришлось однако уступить и надѣть, отправляясь во дворецъ короля, шелковую сутану, стихарь и бархатную эпитрахиль, обшитую золотой бахромой. Его сопровождало много Португальцевъ, въ платьѣ изъ роскошныхъ матерій, отягченномъ золотыми цѣпями и драгоценными украшеніями. На ихъ шляпахъ гордо развѣвались султаны изъ перьевъ; а многочисленная свита слугъ и рабовъ сопровождала ихъ съ большой пышностью въ баркахъ, украшенныхъ богатѣйшими китайскими коврами и развѣвающимся знаменемъ.

Кромѣ того, ихъ сопровождала восхитительная музыка флейтъ, трубъ и гобоевъ; гармоническій концертъ восхищалъ весь берегъ, скоро покрывшійся безчисленнымъ множествомъ народа, прибѣжавшаго при извѣстїи о прибытіи бонзы *Шеншикожина* ⁹⁾ (то-есть португальскаго). Кorteжъ едва могъ найти мѣсто, гдѣ высадиться на берегъ,—такъ тѣсна была толпа. Здѣсь іезуита ждалъ вельможа, сопровождаемый большой свитой, чтобы предложить ему носилки, посланные королемъ для слѣдованія во дворецъ. Но отецъ Ксаверій отказался отъ нихъ, вѣжливо поблагодаривъ и сказавъ, что предпочитаетъ итти пѣшкомъ.

Можетъ быть, интересно будетъ посмотрѣть, въ чемъ состоялъ этотъ единственный, случайный парадъ миссіонера.

Эдуардъ Гама, съ обнаженной головой и съ церемоніальнымъ жезломъ въ рукѣ, шелъ первымъ, какъ конюшій и маіордомъ отца Ксаверія. За нимъ слѣдовали пятеро наиболѣе значительныхъ Португальцевъ. Одинъ несъ книгу въ мѣшкѣ изъ голубого атласа; другой—изображеніе Пресвятой Дѣвы, обернутое въ красный камчатный шарфъ; третій—бенгальскую трость, украшенную золотымъ яблокомъ; четвертый—сандалии изъ лучшаго чернаго бархата и пятый—рос-

⁹⁾ Это исковерканное Португальцами слово—по-Японски читается „Тэнцику-коку-зинъ“ и означаетъ „Житель Индіи“. *Тэнцику*—по-Японски—Индія.

Это для нихъ былъ крайній Западъ, а Португальцы называли себя крайнимъ Западнымъ народомъ, почему и получили названіе Индіевъ.

кошный зонтикъ, какой въ Индіи носятъ предъ самыми знатными особами. Потомъ шелъ отецъ Ксаверій и его свита.

Музыка играла не переставая, и толпа прибывала, покрывая даже крыши домовъ.

По прибытіи во дворець, капитанъ гвардіи во главѣ пятисотъ вооруженныхъ солдатъ ввелъ Ксаверія въ первую галерею. Тамъ пять Португальцевъ опустили передъ нимъ на колѣни. Тотъ, который держалъ зонтикъ, остался позади. Одинъ подаль ему бенгальскую трость, другой—бархатныя сандалии, а два другихъ помѣстились у него по сторонамъ. Присутствующимъ Японцамъ понравился этотъ необычный церемоніаль. Потомъ въ большой залъ, гдѣ находились важнѣйшія особы Двора, молодой вельможа семи или восьми лѣтъ обратился къ нему съ привѣтствіемъ:

„У васъ, должно быть, много мужества, сказалъ онъ, чтобы прійти съ конца свѣта дать намъ познаніе истиннаго Бога, безъ надежды встрѣтить что либо, кромѣ обидъ и оскорбленій. Но могущественъ долженъ быть также вашъ Богъ, потому что вы обнищали изъ любви къ Нему, а Онъ заставилъ богатыхъ оказывать вамъ почести“.

Какъ видятъ, этотъ молодой Японецъ, не по лѣтамъ развитой, что не рѣдкость въ его странѣ, говорилъ съ отцомъ Ксаверіемъ не какъ ребенокъ, но какъ философъ.

Такъ миссіонеръ пришелъ во вторую залу, гдѣ находились сыновья знатнѣйшихъ князей королевства, которые живутъ во дворцѣ. Всѣ они были великолѣпно одѣты. Двое изъ нихъ приблизились, чтобы привѣтствовать отца Ксаверія, и произнесли ему стихи. Отсюда, пройдя черезъ окуренные благовоніями, роскошно убранныя террасы, полныя разнаряженной знати, они достигли мѣста, гдѣ ждалъ апостола Хасарондоно, братъ короля. Мальчикъ, который велъ Ксаверія, представивъ его, почтительно удалился.

Въ передней короля—та же толпа вельможъ, ожидавшихъ его прихода. Миссіонеръ вошелъ съ Португальцами своей свиты. Король, ожидавшій его стоя, какъ только онъ появился, сдѣлалъ пять, шесть шаговъ навстрѣчу и потомъ поклонился три раза до земли. Отецъ Ксаверій простерся передъ нимъ такимъ же образомъ. Онъ хотѣлъ поцѣловать у него руку, но князь тотчасъ поднялъ его и посадилъ рядомъ съ собой. Вскорѣ, очарованный его рѣчью, его мане-

рами, онъ, казалось, готовъ былъ оказать ему всѣ милости, какихъ бы тотъ ни попросилъ. Съ другой стороны, вездѣ, куда ни приходилъ отецъ Ксаверій, бонзы, напуганные близкимъ паденіемъ ихъ культа и потерей своихъ привилегій, которыя, какъ они предвидѣли, должны были неминуемо перейти къ новымъ священникамъ, не могли сдержатъ своего гнѣва. Бурная выходка со стороны Хасъѣндоно, одного изъ наиболѣе извѣстныхъ въ королевствѣ служителей Будды, встревожила умы. Этотъ бонза былъ прогнанъ по приказу короля. Тогда онъ воскликнулъ, обращаясь къ нему: „Пусть боги низведутъ съ неба огонь, который пожретъ тебя и обратитъ въ пепель всѣхъ королей, которые осмѣлятся поступать—какъ ты“.

Послѣ этого скандала, король, котораго все попеченіе было направлено на отца Ксаверія, обратился къ нему съ нѣсколькими словами, по поводу пороковъ этихъ злыхъ жрецовъ и ихъ лицемѣрія, и съ величайшими знаками уваженія пригласилъ его къ себѣ обѣдать „Въ Японіи, — сказалъ онъ,—король не можетъ дать большаго знака отличія лицу, котораго онъ уважаетъ и любитъ, какъ посадить его за свой столъ. Но, что касается меня, я сочту за большую милость, если вы захотите раздѣлить мой обѣдъ“.

Въ отвѣтъ на это служитель Бога, низко поклонившись, поцѣловалъ его саблю, что по обычаямъ страны служить выраженіемъ глубочайшаго уваженія. Потомъ, поднявъ глаза и руки къ небу, онъ воскликнулъ: „Просвѣти, о Боже мой, Создатель вселенной, очи этого великаго князя, чтобы онъ позналъ Тебя, почтилъ и, храня Твою святую вѣру, онъ могъ бы нѣкогда жить и царствовать съ Тобой въ Небесномъ Царствіи“. Хозяинъ поблагодарилъ его за эту молитву.

Необычное зрѣлище представлялъ этотъ бѣдный иностранецъ, сидящій за королевскимъ столомъ и получающій такія почести. Всѣ придворные и бывшіе въ кортежѣ Португальцы стояли на колѣняхъ вокругъ нихъ.

Когда князь предложилъ миссіонеру поданное ему блюдо, капитанъ Эдуардъ Гама и всѣ другіе европейцы встали и поцѣловали у него руку, чтобы выразить ему—какъ они были осчастливлены столь великой милостью. Между тѣмъ бонзы, завидуя этому приему, угрожали государству

войнами, возмущеніями, бунтами, разореніемъ, голодомъ и пожарами, если король будетъ продолжать покровительство, оказываемое имъ тому, кого они называли авантюристомъ. Не успѣвши однако уронить его въ глазахъ короля, они прибѣгли къ богословскимъ диспутамъ, которые имѣли не больше успѣха.

Тогда былъ призванъ на помощь самый знаменитый изъ нихъ. Онъ былъ настоятелемъ наиболѣе извѣстнаго монастыря бонзъ и преподавалъ въ главнѣйшихъ академіяхъ королевства. Онъ назывался Фукарандоно. Знаменитый бонза былъ побѣжденъ. На слѣдующій день языческій клиръ занеръ всѣ храмы и вывѣсилъ на дверяхъ запрещеніе приносить богамъ жертвы до тѣхъ поръ, пока Португальцы не будутъ изгнаны изъ страны.

Тогда народъ, возбужденный рѣчами бонзъ, такъ же какъ и этой мѣрой, въ которой виновны были Португальцы, напалъ на нихъ по всему городу. Они удалились на свои корабли. Отецъ Ксаверій одинъ остался съ христіанами, которыхъ онъ уже окрестилъ. Вскорѣ волненіе улеглось. Португальцы вернулись на берегъ, и былъ назначенъ день для новаго диспута, который король разрѣшилъ съ условіемъ, что на немъ не будетъ ни шума, ни запальчивости, ни оскорбленій со стороны бонзъ, просившихъ его.

Говорить долженъ былъ опять Фукарандоно. При этомъ случаѣ отецъ Ксаверій, послѣ длинной рѣчи о существованіи единаго Бога, воскликнулъ:

„Могу ли я утверждать, что прекрасныя картины, которыя мы видимъ въ этой залѣ,—дѣло случая? Что краски нечаянно упали на полотно, изобразивъ на немъ эти прелестныя фигуры? Также можно ли сказать это объ книгѣ или другомъ произведеніи людей? Безъ сомнѣнія,—нѣтъ. Хорошо! Но вселенная—самая прекрасная изъ картинъ, самая замѣчательная изъ книгъ. Итакъ, она открываетъ разумное Начало“...

Этотъ аргументъ очень понравился Японцамъ. Бонза отвѣчалъ, что миссіонеръ погрѣшаетъ въ самомъ основаніи, такъ какъ нельзя сравнивать проявленій матеріи одушевленной съ неодушевленной. Онъ спросилъ, какова природа этого добраго или злаго Начала, о которомъ миссіонеръ говорилъ и отъ Него ли исходитъ добро и зло?—„Если бы этотъ первый и державный Творецъ былъ совершенно

добръ,—сказалъ онъ,—безъ малѣйшей примѣси зла, онъ не могъ создать демоновъ, враговъ людей и злыхъ по своей природѣ. Возражаютъ, что они развратились. Но Богъ, который такъ мститъ своимъ созданіямъ, не можетъ быть названъ всеблагимъ, но жестокъ. Если онъ создалъ людей для того, чтобы они ему поклонялись, онъ не долженъ былъ допускать для нихъ искушеній, ни давать имъ слабости, ни наклонности, какую они имѣютъ ко злу. Скорѣе онъ долженъ былъ бы избавить ихъ отъ всѣхъ несчастій. Развѣ Богъ добрый создалъ бы вѣчный адъ, въ то же время предписывая людямъ законы столь строгіе и столь трудно выполнимые? Развѣ онъ могъ бы потерпѣть ужасное зрѣлище мукъ осужденныхъ и никогда имъ не тронуться? Наша религія гораздо разумнѣе. Она допускаетъ, что боги извлекаютъ изъ ада тѣхъ, кто умоляетъ ихъ о милости. Это—ученіе болѣе обоснованное, чѣмъ ваше, на справедливости, и на милосердіи“.

Вооруженный мудрыми отвѣтами Тертуліана, Оригена, святого Августина, святого Ѳомы и свѣтомъ вѣры, отецъ Ксаверій получилъ однако одобреніе трибунала, назначеннаго для этого важнаго пренія.

По поводу бумагъ, которыя бонзы выдавали вѣрующимъ для будущей жизни,—тѣмъ, разумѣется, кто имъ самимъ дѣлалъ подношенія, отецъ Ксаверій, несмотря на существующее предубѣжденіе противъ парій, по ученію бонзъ не подлежащихъ спасенію, одержалъ полную побѣду. Онъ объяснилъ, что въ будущей жизни имѣютъ вѣсь только добрыя дѣла, что Богъ обезпечилъ спасеніе не за богатствомъ, но за святостью,—что если бы спасались только богатые, то открылась бы дверь всѣмъ порокамъ, такъ какъ тогда каждый съ полнымъ основаніемъ сталъ бы искать средствъ обогатиться, чтобы попасть на небо. „Богъ,—прибавилъ онъ.— Отецъ всѣхъ людей. Онъ на всѣхъ смотритъ, какъ на своихъ дѣтей, на богатыхъ и бѣдныхъ. Онъ не смотритъ на званіе людей,—одна только добродѣтель даетъ право на вѣчное блаженство, и самые святые будутъ наиболѣе счастливыми“.

Эта проповѣдь отца Ксаверія продолжалась пять дней. По истеченіи этого времени, король, возсѣдая на тронѣ, объявилъ, согласно съ сужденіемъ всѣхъ присутствующихъ, что

религія иностранцевъ была болѣе согласна съ истиной, разумомъ и здравымъ смысломъ, чѣмъ ученіе бонзъ.

Потомъ, обращаясь къ послѣднимъ, онъ сказалъ: „Вы должны были бы вооружиться лучшими доводами, чѣмъ у васъ были, чтобы бороться съ такимъ святымъ и божественнымъ закономъ, какъ у этого европейскаго бонзы,—и ваша запальчивость показываетъ, что ученіе, которое вы защищаете, не имѣетъ большихъ достоинствъ. Ступайте, удалитесь и научитесь стать людьми болѣе добродѣтельными“.

Эти слова разразились подобно громовому удару. Они раздавили бонзъ. Однако, обращеній было мало. Рѣчи наваррскаго священника и примѣръ его благочестивой жизни дали въ Японіи посѣвъ, который возросъ нѣсколько позднѣе.

Въ это время новообращенные христіане другихъ городовъ спрашивали у Космы Торреца разрѣшенія всѣхъ религіозныхъ проблемъ. Вопросомъ, наиболѣе приводившимъ ихъ въ отчаяніе, была вѣчность мученій. Когда однажды миссіонеръ объявилъ имъ, что тотъ, кто осужденъ, былъ осужденъ на вѣки и что будущая жизнь была неизмѣнна, его неопиты возражали ему: „Какъ! Наши отцы, которые не знали истиннаго Бога, будутъ вѣчно страдать въ узахъ огненной бездны?“

„Да,—отвѣчалъ миссіонеръ;—потому что они осуждены по своей винѣ. Если бы они сохранили законъ Бога, законъ естественный, и который былъ имъ извѣстенъ откровеніемъ разума, то онъ привелъ бы ихъ тѣмъ или инымъ путемъ къ спасенію“. При этихъ словахъ Японскіе христіане, заливаясь слезами, испускали ужасные крики.

Но отецъ Торрець продолжалъ: „Васъ дѣлаютъ такими развратными то,—что, по вашему, мученія будущей жизни не должны длиться вѣчно. Эта ложная идея заставляетъ васъ не бояться ихъ. Вѣдь сами христіане, которые вѣрятъ въ вѣчность мукъ, не всегда бываютъ удержаны такой ужасной карой; что же было бы, если бы они были увѣрены, что эти адскія мученія только временны и если бы они надѣялись отдѣлаться, пострадавъ нѣсколько лѣтъ?“

Онъ прибавилъ, что каждый умный и предусмотрительный законодатель, чтобы поддержать миръ въ государствѣ, долженъ принять за правило—опредѣлить соотвѣтственныя наказанія за преступленія и такъ поставить ихъ, чтобы пре-

кратить преступность. „Вѣчная казнь,—воскликнулъ онъ,— одна можетъ остановить ярое стремленіе людей ко грѣху и удержать ихъ въ повиновеніи!“

Святой Францискъ-Ксаверій, все время пребывавшій въ Фузэ, оставилъ это королевство только къ концу ноября 1551 года, чтобы вернуться въ Гоа. Два прозелита составляли все его богатство. Одинъ изъ нихъ, по имени Бернардъ, первый Японецъ, получившій крещеніе въ Сацумѣ, былъ человѣкъ низкаго происхожденія, такъ какъ святой Францискъ, по примѣру Иисуса Христа, основавшаго вселенскую Церковь на бѣдныхъ рыбакахъ, желалъ начать Церковь въ Японіи однимъ изъ ея послѣднихъ обитателей. Этотъ первый адептъ сдѣлался полезнымъ и даже знаменитымъ своей ревностью и благочестіемъ. Онъ сопровождалъ отца Ксаверія въ его ужасномъ путешествіи въ Міако; онъ умеръ въ іезуитской коллегіи въ Коимбрѣ.

Что касается его втораго спутника, онъ умеръ у апостола Индіи въ Гоа. Одинъ изъ дворянъ короля Бунго также отплылъ съ нимъ, посланный съ письмами и подарками отъ своего государя къ вице-королю. Это посланіе свидѣтельствовало объ удовольствіи князя заключить союзъ съ португальскимъ губернаторомъ и принимать въ своемъ государствѣ новыхъ миссіонеровъ Общества Иисусова.

(Продолженіе слѣдуетъ).
